

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

Исторические взгляды В. О. Ключевского*

В лице Василия Осиповича Ключевского Россия лишилась человека с ярко выраженной индивидуальностью и крупным талантом: своеобразный творческий ум и научная пытливость соединялись в нем с глубоким чутьем исторической действительности и с редким даром художественного ее воспроизведения.

Русская историческая наука многим обязана Ключевскому и, конечно, не замедлит надлежащим образом оценить его заслуги и разобраться в той массе мыслей, наблюдений и выводов, которые он с таким мастерством расточал на своих лекциях и в своих научных трудах, всегда возбуждая умственную деятельность слушателей или читателей, часто очаровывая их яркостью образов и оживленностью своей речи; но перед еле закрывшейся могилой великого историка и свежим воспоминанием о тяжелой утрате, трудно дать всестороннюю оценку его личности и значения; легче отметить, хотя бы в самых кратких и беглых чертах, несколько важнейших особенностей его научного мировоззрения и, не входя в подробное изучение их генезиса, выяснить то влияние, которое они оказали на его понимание общего хода нашей истории.

В образованных кругах московского общества шестидесятых годов Ключевский уже не застал ни прежнего интереса к немецкому идеализму, ни той борьбы, которую западники вели с «первыми славянофилами». Благодаря изменившимся условиям, молодой ученый мог свободно пользоваться взглядами и выводами разных школ и направлений и вырабатывал свои собственные воззрения

* Эта статья под заглавием «Памяти В. О. Ключевского» была первоначально напечатана в «Вестнике Европы» за 1911 г., август, стр. 337–353 и воспроизводится здесь с незначительными изменениями.

не без влияния тех впечатлений, какие он вынес из эпохи великих реформ и социального переустройства нашей жизни.

Воспитывающее действие «западного направления» Ключевский испытал на себе со времени поступления своего в Московский университет; правда, он уже не мог учиться ни у Грановского, ни у Кудрявцева¹ и мало слушал Ешевского², который читал древнюю и среднюю историю с большими перерывами; но Соловьева Ключевский узнал в цвете сил и студентом третьего курса стал записывать его лекции. Внимательно вслушиваясь в его «говорящее размышление», даровитый студент старался ухватиться за нить развиваемых им мыслей и не замечал его отрывистой речи: он чувствовал, что с ним беседует человек с стройным и цельным мирозерцанием и с выработанным, столь же цельным, взглядом на ход русской истории, крупные факты которой он всегда рассматривал при свете общих исторических идей. На лекциях своего учителя, большого поклонника Гизо³, Ключевский научился ценить его общие взгляды; он сроднился с мыслью «о закономерности» исторических явлений и привык изучать их в «естественной и необходимой» их связи между собою и в их органическом развитии; на тех же лекциях он знакомился, конечно, с историей русского государства, а отчасти и с «историей сословий», не говоря о целом ряде более частных замечаний, вводивших его в изучение нашего прошлого. И впоследствии он продолжал думать, что для того, чтобы «идти прямо и твердо к своей работе, каждый исследователь русского прошедшего должен начинать с того, чем кончил Соловьев свою речь о том же», и что Соловьев, «как маяк, еще долго будет служить первым указателем пути даже для того, кто далеко разойдется с ним в своих последних выводах».

Действительно, Ключевский во многом разошелся с Соловьевым, и прежде всего в исходных положениях, а не только в «последних выводах»: он исходил из другой социологической оценки исторических факторов и иначе строил исторический процесс.

С социологической точки зрения, не чуждой, впрочем, и Соловьеву, Ключевский представлял себе человеческое общежитие таким же фактом мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, а возникновение, рост и смену подобного рода союзов, со всеми условиями и последствиями их жизни, называл историческим процессом. С той же социологической точки зрения Ключевский различал и «предметы исторического изучения»: подобно тому, как социологи делят свою науку на социальную статику и социальную динамику, и наш историк полагал, что история должна изучать «строение общества», «свойства и действия созидających и направ-

ляющих его сил», и следить за выработкою человека и человеческого общежития, за его «успехами», или его «прогрессом»; но тогда как Соловьев, подобно Боклю⁴, стал указывать на возрастающее влияние «духовных сил» в истории, Ключевский, следуя иному социологическому направлению, обращал особенное внимание на материальные факторы. С такой социологической точки зрения Ключевский не мог придавать идеям того значения, какое приписывал им Соловьев*. Ключевский полагал, что историк, занимающийся историей общества, а не отдельных личностей и их идей, интересуется плодами личного творчества лишь с точки зрения их дееспособности»; лишь та идея, которая становится историческим фактором общежития, т. е. выходит из пределов личного существования и делается общим достоянием, и не только общим, но и обязательным, т. е. общепризнанным правилом или убеждением, заслуживает внимания историка; лишь добившись общего признания и став руководительницей политики, законодательства или хозяйственного оборота, она может быть признана «историческим явлением». Следовательно, историку приходится сосредоточивать свое внимание на изучении более видных факторов исторического развития, т. е. экономических и социальных отношений, а также политического строя. В позднейшее время, кажется, сам Ключевский ввел, однако, существенную оговорку в такое понимание: заявляя, что «умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человеческого развития», он стал придавать «чисто методологическое значение» изучению преимущественно фактов «политических и экономических», т. е. настаивал на известном порядке изучения исторических факторов, по мере того, как они входят в общий исторический процесс, а не в соответствии с их последующим значением. С такой точки зрения Ключевский должен был, однако, признать, что историк «идет от следствий к причинам, от явлений к силам», т. е., что он должен пользоваться фактами «экономическими и политическими» (да и многими другими) и для изучения истории идей, разумеется, тех, которые имели историческое значение; сам он принимал во внимание такое требование, когда утверждал, например, что история задает каждому народу «работу

* Впрочем, в известной рецензии своей на книгу Щапова о социально-педагогических условиях умственного развития русского народа (1870 г.), Ключевский обнаружил, по-видимому, иное отношение к «истории интеллектуальной жизни»: развитие ее «совершается вообще правильнее других сфер жизни»... «по существу она проще и легче для изучения в сравнении с историей общественной жизни»...

над своей собственной природой», т. е. «работу над самим собою», неосуществимую, конечно, без руководящих «идей» или «идеалов»; или когда высказывал, что «энергия личного материального интереса возбуждается не самым этим интересом, а стремлением обеспечить личную свободу, как внешнюю, так и внутреннюю, умственную и нравственную» и что «эта последняя на высшей ступени своего развития выражается в сознании общих интересов и в чувстве нравственного долга действовать на пользу общую».

В понимании «процессов», образующих историю, Ключевский также несколько разошелся с Соловьевым: сам он, говоря о современных ему течениях, заметил, что, хотя одни изучают «генезис и развитие политических форм и социальных отношений», а другие — «рост национальных преданий и обычаев, дух и быт народа», но различие их взглядов не имеет принципиального значения; напротив, он признавал такие направления лишь «простым разделением труда в работе над одним и тем же предметом» и, значит, считал возможным пользоваться выводами обоих; не придерживаясь исключительно ни того, ни другого, он мог почерпнуть из обоих то, что ему казалось нужным для выработки своего собственного понимания нашего прошлого. Действительно, Ключевский пополнил схему, принятую Соловьевым: сохранив, конечно, понятие о государстве, но приписывая большое значение и «народности» — началу, на котором в то время уже сходились сторонники разных течений, — он ввел ее в свое построение русской истории. Таким образом, он сосредоточил свое внимание на выяснении двух процессов: он следил за тем, как понятие о государстве вырабатывалось в практике жизни и выяснялось в сознании народа; вместе с тем он не упускал из виду, однако, и того, как, в связи с ростом государства, завязывались и сплетались основные нити, образовавшие своей сложной тканью нашу народность.

Естественно, что ввиду такого понимания исторических факторов и «процессов», а также, вероятно, и под влиянием переживаемой им эпохи великих реформ и социального переустройства нашей жизни, Ключевский должен был преимущественно интересоваться теми ее элементами, которые он называл «политическими, социальными и экономическими» фактами; принимая во внимание учение о народности, он не считал возможным изучать историю «политических и общественных форм» без заполнявшего их содержания, т. е. вне их связи с социальной жизнью, составом общества, борьбой классов и тому подобными процессами; он ставил их, в свою очередь, в тесную зависимость от «экономических отношений» и в особенности от «производительности народного труда», но не упускал,

однако, из виду и обратной зависимости «фактов экономических» от «политических», особенно заметной в моменты напряженного развития военных сил нашей страны.

В самом деле, в большинстве главнейших трудов Ключевского можно подыскать немало примеров того социологического интереса, с каким он относился к «политическим, социальным и экономическим фактам» русской истории. В студенческой работе, посвященной обзору сказаний иностранцев о России⁵, он уже обратил преимущественное внимание на те сведения, какие они сообщали о географии страны, о некоторых явлениях государственной и общественной жизни, а также о «материальной», но не о нравственной ее стороне, «гораздо менее открытой для постороннего глаза»; с того времени он не переставал изучать те же категории фактов. В другой работе, также предпринятой, вероятно, под влиянием своего учителя, Ключевский, правда, занялся критическим разбором материала, который, казалось бы, имел очень мало отношения к таким процессам, а именно обратился к исследованию древнерусских житий святых⁶; но он приступил к ознакомлению с ними в надежде найти в них обильный и свежий источник для выяснения того участия, какое монастыри принимали в колонизации северо-восточной Руси, и только ввиду особенностей самих источников должен был изменить постановку своей темы. И в последнем случае, однако, он все же придерживался социологической точки зрения при изучении, например, той среды, в которой зародилась литературная форма житий, ее типических черт и последующих ее превращений, распространения житий в обществе, а также того воздействия, какое «древнерусский читатель оказывал на биографа». Во всяком случае, в позднейших своих специальных исследованиях Ключевский преимущественно сосредоточил свое внимание на истории учреждений и социально-экономических отношений, касаясь иногда и других тем в статьях и речах более случайного происхождения.

В связи с принятой им социологической точкой зрения и интересом к народности, Ключевский, при изучении учреждений, гораздо более Соловьева обращал внимание на социальные и экономические отношения. В капитальном своем труде о боярской думе, например, Ключевский довольно резко обнаружил такое именно свое отношение к истории учреждений: проводя различие между их содержанием и формой, он полагал, что нельзя изучать их без выяснения наполнявшего форму материала, так как в противном случае трудно понять, почему один и тот же «порядок» в разных условиях получал различное значение. Тот же взгляд наш историк

применил и в специальном своем исследовании о боярской думе: он интересовался не тем, «откуда взялись формы, свои они или чужие», а тем, «какое туземное содержание влилось в них и переработало их»; он изучал «социальную историю думы», «в связи с историей общества», в связи с «процессом образования верхних его слоев»; он подчеркивал влияние социального состава управления на развитие боярской думы и следил за образованием московской правительственной аристократии, бывшей политической силой, но не властью, права которой были бы приобретены оружием или ограждены законом; он выяснял и те перемены, которые происходили в социальном и правительственном составе думы, постепенное превращение ее в центральный орган управления и ее законодательное значение, а также ее перерождение из аристократического совета в бюрократическое учреждение, вплоть до замены ее сенатом. Свой интерес к социально-политической истории Ключевский проявил и в известных статьях о «составе представительства на земских соборах древней Руси»⁷; подвергнув его тонкому анализу, он пришел и к новому выводу касательно характера самого учреждения: он полагал, что «основным принципом» представительства на земских соборах XVI века было, в сущности, «представительство по должностному правительственному положению, а не по общественному выбору», хотя, впрочем, не забыл отметить в составе последнего из соборов того же века и «выборных представителей уездных дворянских обществ». Кроме того, связав историю земских соборов XVI века с историей земских учреждений, он выяснил происхождение и значение представительства в XVI веке как «высшей формы поруки в управлении»: он показал, что правительство, созывая собор, стремилось «обеспечить себе дружное и усиленное содействие всех местных обществ», должностные представители которых, «поручившись за исполнимость соборного приговора, должны были принять на себя и провести в местные общества ответственное его исполнение».

В других работах Ключевский приступил к изучению социально-экономических, а не социально политических отношений: уже до появления статей о земских соборах он напечатал замечательные свои исследования по истории прикрепления крестьян и крепостного права⁸, падение которого произвело на него сильное впечатление. Вместо того чтобы сводить процесс прикрепления к истории мер, предпринимаемых московским правительством, Ключевский впервые выяснил значение возраставшей частной зависимости владельческого крестьянина от землевладельца, обусловленной, главным образом, экономическими отношениями, и обратил особенное

внимание на то, каким образом движение холопства в сторону крестьянства встретилось с противоположным движением крестьянства в сторону холопства и как этот двойной процесс завершился первой ревизией и привел к образованию крепостного состояния.

В разысканиях подобного рода Ключевский должен был, конечно, натолкнуться на целый ряд проблем, касавшихся чисто экономической истории Московской Руси и до того времени очень мало затронутых в нашей историографии; он обратил серьезное внимание, например, на один из самых основных и труднейших вопросов экономической истории, а именно на вопрос о ценности денег, и попытался определить отношение покупательной силы или меновой ценности нашего рубля XVI–XVII веков к современной и постепенное ее падение, совершившееся, впрочем, не без некоторых колебаний⁹.

Такой же социологический интерес к «политическим, социальным и экономическим фактам» в их совокупности Ключевский обнаружил, наконец, и в своем «Курсе русской истории». В введении к нему он заявляет, что имеет в виду заняться «социологическим» изучением ее как «местной истории» и будет излагать «факты политические и экономические, с их разнообразными следствиями и способами проявления и — только, ничего более». И действительно, в своих лекциях он обращает большое внимание на ход колонизации и ее результаты, на «политические и общественные формы», на внутренние политические отношения, на состав общества, на то положение и взаимное отношение, какое устанавливалось между социальными классами под влиянием экономических и иных условий, и т. п.

«Социологическое изучение» русской истории Ключевский понимал, однако, не в смысле абстрактного рассмотрения «политических, социальных и экономических фактов»: по примеру Соловьева исходя из мысли о «связи явлений», о том, что «в истории, как и в природе, ничто не действует одиноко, особняком», он давно уже обратил внимание на многообразие исторического процесса; при изучении того, а не иного сочетания «политических, социальных и экономических фактов» он стремился комбинировать свою социологическую точку зрения с собственно исторической и, подобно Соловьеву, но с большею последовательностью оттенял «своеобразие» русской истории. Вообще, обнаружив такое стремление уже в одной из своих статей, писанных лет сорок тому назад, по поводу «социально-педагогических условий умственного развития русского народа», он более систематично проводит его, например, в «Боярской Думе» и особенно в «Курсе русской истории».

В самом понимании задач местной истории, какое Ключевский предлагает в начале своего «Курса», он высказывает такой именно взгляд на «социологическое изучение» нашего прошлого: он полагает, что «местная история» дает готовый и обильный материал и для «исторической социологии», т. е. для учения о «строении общества», и для знакомства с «законами движения» людского общежития или с тем, «при каких условиях известный элемент его двигает человечество вперед по пути мирового прогресса и когда задерживает его движение»; но он признает вместе с тем, что «отдельная история известного народа может быть важна своеобразием своих явлений», т. е. своеобразием сочетаний ее элементов, хотя бы они, порознь взятые, и были сходны с элементами других историй, и что, следовательно, «научный интерес истории того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общежития». С такой двойственной точки зрения Ключевский приступает и к изучению русской истории: она представляет сравнительно простые процессы, «в которых можно достаточно отчетливо разглядеть работу исторических сил, действие и значение различных пружин, входивших в сравнительно несложный состав нашего общежития»; но она отличается и «своеобразным сочетанием действовавших в ней условий народной жизни».

Итак, «своеобразие» нашей истории Ключевский понимает прежде всего в смысле своеобразного сочетания хотя бы и сходных с другими элементов русской жизни и характеризует каждый ее период особого рода сочетанием их, отличным от того, какое они получали в другом. В зависимости, например, от различия в комбинациях между элементами государственной власти, социальной жизни и производительности народного труда, обусловленных частью местными условиями колонизации, частью «внешними обстоятельствами», Ключевский и построяет в своем «Курсе» общий ход нашей истории: он полагает, что колонизация, которую, впрочем, не упускал из виду и его предшественник, была «основным» ее фактом и что все другие ее факты стояли в близкой или отдаленной связи с колонизацией; он заявляет, что этот факт и служит основанием плана курса». Ближайшую с ним связь он усматривает и в некоторых «политических и экономических фактах»: он полагает, что Русь с VIII до XIII века была «днепровской, городской, торговой»; с XIII до середины XV века — «верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой»; с середины XV до второго десятилетия XVII века — «великой, московской, царско-боярской, военно-земледельческой и наконец, с начала XVII до се-

редины XIX века — «всероссийской, императорско-дворянской, с крепостным хозяйством, земледельческим и фабрично-заводским».

В предлагаемой им периодизации русской истории Ключевский, как видно, остался верен своей первоначальной концепции исторического процесса: он рассуждает о своеобразном сочетании «политических, социальных и экономических фактов», но не уделяет в нем особого места для «идей», несмотря на то, что сам высоко ценит развитие национального самосознания и процесс образования исторической личности русского народа, которые нельзя сводить к одним только внешним проявлениям его деятельности, не нарушая целесообразности и непрерывности ее эволюции. Впрочем, в указанном выше смысле Ключевский принимает во внимание и «интеллектуальные факторы», действовавшие в русской истории, особенно позднейшей. Хотя вместо древней религии восточных славян он и говорит только о их «мифологии», да и касается ее лишь в связи с следствиями колонизации, хотя он и не останавливается на подробном рассмотрении влияния христианской и византийской культуры на древнерусскую жизнь и довольствуется преимущественно изучением церковных уставов русских князей и влиянием церкви на гражданский быт и политический порядок, мимоходом упоминая об «успехах гражданственности и просвещения» в среде «господствующего класса», но в других случаях он отмечает и роль идей в нашем историческом развитии. Возвышение московских князей Ключевский ставит, например, в зависимость от отношения их к русской церкви и замечает, что им удалось успешно собрать в своих руках «материальные, политические силы русского народа» благодаря дружному содействию добровольно соединившихся его духовных сил; он следит за ростом «политического самосознания великорусского общества», за развитием московской политической теории, приведшей к резкому отделению московского государя от всего остального общества и к «идее подданства», — словом, за образованием того «кодекса политических понятий, которым так долго жила потом Московская Русь». Вслед за тем он указывает на «национальные и религиозные связи, спасшие общество в смутное время», и останавливается на характеристике тех двух направлений «в умственной жизни русского общества», которые сложились под влияниями греческим и западным и, в борьбе друг с другом, «всего более оживляли вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной деятельностью, какая с некоторыми перерывами, томительно длилась до половины XIX века». При изображении эпохи преобразований он также замечает, что уже

в XVII веке русская мысль «тронулась и пыталась повлечь за собой застоявшуюся жизнь», а «в пробуждении простодушной веры русских людей того времени в науку и доверчивой надежды с ее помощью все исправить» усматривает «главный нравственный успех в деле подготовки реформы Петра Великого» и руководящие начала его собственной преобразовательной деятельности; вместе с тем он полагает, что такое влечение, неравномерно действуя на разные классы русского общества, нарушало прежнее «духовное согласие, господствовавшее в нем вопреки социальной розни», но что «та же вера, поддерживала нас и после преобразователя всякий раз, когда мы, изнемогая в погоне за успехами западной Европы, готовы были упасть с мыслью, что мы не рождены для цивилизации и с ожесточением бросались в самоуничтожение». Итак, по мере пристального изучения позднейших периодов нашей истории, Ключевский все более подчеркивает значение «идей» в ее ходе, что и дает ему возможность отмечать новые различия в сочетаниях элементов русской жизни, характеризующих данный период ее развития.

Нельзя не заметить, однако, что Ключевский часто придает понятию о «своеобразии русской истории» еще более узкое значение: при изучении ее «хода» он едва ли даже не преимущественно интересуется индивидуальным характером данного сочетания элементов, в его зависимости от «встречи» данных условий места и времени, а не только сходством каждого из элементов, отдельно взятого, с другими; вместе с тем он обращает внимание на такой же характер субъекта развития — носителя этого сочетания и не упускает из виду своеобразия некоторых из главнейших составных его элементов и частей изучаемого им целого. Сам Ключевский указывает, например, на то, что исследователь местной истории встречает ее моменты и условия «в своеобразных сочетаниях и при невиданных им внешних обстоятельствах» и что они, следовательно, «вне данного места, неповторимы»; что отдельные народы, принимавшие наиболее заметное участие в историческом процессе, раскрывают природу человечества с разных сторон и особенно ярко проявляют ту или другую силу ее; что народ становится в государстве не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения, и это сознание возрастает по мере усиливающегося влияния его на другие народы. Такую точку зрения Ключевский готов был, конечно, приложить и к изучению русской истории; сам он говорит, что «научная цель» его «Курса» будет достигнута, если ему удастся дать изображение русского народа «как исторической лич-

ности». И действительно, он следит за тем, в каких именно условиях места и времени этот народ действовал, как его жизнедеятельность надолго сосредоточилась в великорусском племени, каков был его характер и какие именно люди всего более двигали его историей, какие «внешние обстоятельства» или исторические события оказывали влияние на его прошлое, какую роль он играл среди других европейских наций, и т. п. С такой точки зрения Ключевский, в сущности, пытается отметить и те исторические моменты, которые придают каждому из периодов нашей истории своеобразный характер, отличный от соответствующих периодов в истории других народов.

В собственно историческом понимании древнего киевского периода нашей истории Ключевский расходится, однако, с Соловьевым. Вместо того чтобы говорить о родовом быте древней Руси, сходном с древним патриархальным бытом других народов, наш историк выясняет те местные условия и «внешние обстоятельства», под влиянием которых он разлагался и роды взаимно сближались между собой; в зависимости от того именно положения, какое заняли восточные славяне на «круговой водной дороге, опоясавшей всю Европу», он объясняет возникновение и тех древнейших торговых городов на Руси, которые укреплялись под влиянием печенежских набегов и главнейшие из которых стали политическими центрами областей, образовавшихся не из племенных союзов, а из торговых округов. Ключевский замечает также, что и норманы-варяги появились извне на том же большом водном и торговом пути не в том виде, в каком они являлись на западе: они проникли сюда в качестве вооруженных купцов, пробиравшихся через Русь в богатую Византию, а не пиратов, и, оседая в русских городах, усиливали собою тот туземный класс «военно-торговой аристократии», из которой выделился князь и образовалась его дружина; он приходит к заключению, что в то время «внешние и внутренние отношения в торгово-промышленном мире русских городов сложились в такую комбинацию, в силу которой охрана границ страны и ее внешней торговли стала их общим интересом, подчинившим их князю киевскому и сделавшим киевское варяжское княжество зерном русского государства». В связи с таким явлением и с «внешними обстоятельствами» Ключевский рассматривает и дальнейшие процессы подчинения старинных «городовых областей» киевским князьям, превратившим свою вооруженную силу в политическую власть и объединившим под нею, посредством очередного княжеского владения, восточных славян в одно «земское целое»; словом, он выясняет, каким образом Киевская Русь стала «колыбелью русской народности».

Вообще, настаивая на «своеобразии» русской истории, Ключевский не забывает отметить ее особенности и в «удельные века»: он и тут исходит именно из того положения, какое заняло великорусское племя в «гидрографическом узле» верхневолжской Руси и из ее колонизации, оказавшей влияние на образование понятия о князе, как о личном собственнике удела. Вместе с тем Ключевский менее Соловьева склонен подчеркивать сходство княжеского удела-вотчины с феодальными порядками: он, конечно, замечает все более усиливавшееся распадение верхневолжской Руси «на мелкие тела, в строе которых, с наивным безразличием, элементы государственного порядка сливались с нормами гражданского права», и готов признать в юридическом значении самого удельного князя, соединявшего в своем лице государя и верховного собственника земли, черты сходства с феодализмом; но он не усматривает его ни в процессе возникновения такого смешения, ни в отношениях князя к его боярам и вольным слугам: отношения их были лично-служебными, так же, как отношения черных людей были лично поземельными*. Вместе с тем, считая возвышение московских князей из среды удельных державцев, потерявших прежнее значение, залогом собирания элементов верховной власти и будущего государственного единства Московской Руси, он указывает на ту «встречу» благоприятных условий и обстоятельств, благодаря которой оно стало возможным, хотя сами московские Даниловичи, за исключением разве Дмитрия Донского, и не выдавались какими-либо особыми личными качествами: изучая этот процесс, да и то отношение, какое в продолжение XIV века установилось среди северного населения к московскому княжеству и его «хозяевам-вотчинникам», руководившим народной обороной, он настаивает на том, что их государство развивалось в связи с внешним расширением их территории и стало складываться под гнетом внешнего ига и в национальной борьбе с ним.

В изображении следующего периода русской истории, начинающегося со времени вступления Ивана III на великокняжеский стол, Ключевский обнаруживает то же стремление оттенить ее особенности. В отличие от Соловьева он усматривает, например, «основной факт» нашей истории XV–XVI веков не в общем процессе смены родовых отношений между князьями — отношениями государственными, а в превращении московского княжества в «национальное великорус-

* В своей «Боярской Думе» Ключевский резко подчеркивает землевладельческое значение боярства в удельное время, но первый том его «Курса» вышел более двадцати лет после издания «Боярской Думы».

ское государство». Московское государство образовалось из великорусского племени, благодаря стремлению к политическому единству на народной основе, слагавшемуся под влиянием той борьбы, которую оно вело на «два фронта: на западе — за национальное единство, на юго-востоке — за христианскую цивилизацию, там и здесь за свое существование». Таким образом, «оборона государства от внешних врагов» становилась тем «высшим интересом», который не допускал окончательного разрыва враждовавших общественных сил, заставляя их против воли действовать дружно: «под руководством командира» каждый становился или солдатом, оборонявшим отечество, или работником, который должен был кормить тех, кто его обороняет. Впрочем, в то время верховная власть с неопределенным, т. е. неограниченным пространством ее действия и с нерешенным вопросом об отношении к собственным органам, именно к главному из них — к боярской аристократии, не могла еще достигнуть внутреннего государственно-го единства: даже Иван Грозный, с его «настоящим великорусским умом», сознав себя национальным государем, «наполовину своего самосознания остался удельным вотчинником» и больше задумывал, чем сделал для того, чтобы завершить образование «национального великорусского государства». Да и в позднейшее время «вотчинно-династический взгляд на государство» не совсем утратился: он послужил одною из основных причин смуты, и только в смутное время, впервые глубоко затронувшее политическое сознание русских людей, они «опытом убедились, что государство, по крайней мере некоторое время, может быть без государя, но ни государь, ни государство не могут обойтись без народа».

Все более входя в область «автобиографии», Ключевский сильнее Соловьева обнаруживает, наконец, ту же склонность выдвигать «своеобразие» нашей истории и в своем понимании нового ее периода — времени, когда русские государи завершили собирание всей русской народности и государственная территория вобрала в себя всю русскую равнину. В своей характеристике этого периода наш историк придает особенно важное значение международному положению страны: «неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа», который в развитии своих сил отставал от задач, становившихся перед государством, вследствие ускоренного внешнего роста, — таков, по его мнению, главный факт, оказавший существенное влияние и на соотношение остальных фактов того времени — политических, социальных и экономических; он обусловил стеснение «внутренней свободы народа», усиление социального неравенства и ухудшение в положении трудящихся классов.

С такой точки зрения Ключевский дает сжатую характеристику последнего периода нашей истории; различая во внешней политике того времени два момента — оборонительный и наступательный, он приходит к следующей формуле: «по мере того, как усиливалось напряжение внешней оборонительной борьбы, усложнялись специальные государственные повинности, падавшие на разные классы общества, и по мере того, как оборонительная борьба превращалась в наступательную, с верхних общественных классов снимались их специальные повинности, заменяясь специальными сословными правами, и сгущивались на низших классах; но по мере того, как росло чувство народного недовольства таким неравенством, правительство начинало подумывать о более справедливом устройстве общества».

В связи с таким пониманием «хода дел» в новый период нашей истории Ключевский допускает еще одно характерное отклонение от схемы Соловьева: он начинает этот период с начала XVII века, а не с эпохи преобразований, и таким образом еще более сглаживает кажущийся разрыв между временем до и после реформы. В своем построении, однако, Ключевский не только усиливает, но и изменяет взгляд Соловьева: не начиная нового периода с эпохи преобразований Петра Великого, новейший наш историк не разрывает тесной ее связи с предшествующим нашим развитием и, значит, не приписывает реформе того чрезмерного значения, которое будто бы состояло в «крутом повороте на запад» и в «заимствовании плодов европейской цивилизации»; но, подчеркивая значительную зависимость реформы от времени, наступавшего после смуты, он отмечает и то, что явилось, «сверх чаяния», в качестве «непредвиденных» последствий.

В самом деле, Ключевский полагает, что XVII век весь был эпохой, подготовлявшей реформу Петра Великого, и что «его программа была вся готова еще до начала деятельности преобразователя» и даже шла «дальше того, что он сделал». После тщательного изучения реформы он приходит к заключению, что Петр сберег в себе «слишком много допетровского царя» и многое взял из старой Руси: государственные силы, верховную власть, право и сословия, иногда, впрочем, соединяя элементы старины в новые сочетания или разделяя слитые; у Запада он заимствовал лишь технические средства для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства и правительственных учреждений, не всегда сохраняя западноевропейские образцы в прежнем их виде и «переделявая их на московский лад». Вместе с тем, однако, наш историк не упускает из виду и того, что преобразования Петра «направлялись условиями его времени, до него не действовавшими», что они частью вторгнулись в его дело со стороны, частью были созданы

им самим. С такой точки зрения Ключевский вскрывает и своеобразие реформы: в том именно виде, в каком она произошла, реформа зависела прежде всего от «северной» войны и ее случайностей. Северная война была «главным движущим рычагом» реформы; она указала порядок реформы, сообщила ей темп и самые приемы ее осуществления. Реформа, по своему исходному моменту и по своей конечной цели, была военно-финансовая; все остальные меры оказались либо неизбежными следствиями, либо подготовительными средствами к достижению главной цели; факты, вытекавшие из этого двойственного значения реформы, коснулись всех классов, отзывались на всем народе. Наряду с своеобразными обстоятельствами, при которых преобразователю приходилось действовать, Ключевский указывает и на своеобразие его личности; он немало посвятил труда выяснению ее особенностей: хотя реформа «сама собою вышла из насущных нужд государства и народа», но эти нужды были «почувствованы властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие, по неизведанным еще причинам, от времени до времени появляются в человечестве». Такою личностью он признает Петра Великого, предпринявшего борьбу деспотизма с народом и с его косностью, но не чуждого мысли, что его военно-финансовая реформа, в своем продолжении, должна стать социально-экономической и быть направленной к усилению производительных сил страны, с помощью общественной самодеятельности. Наш историк не забывает отметить и те последствия, которые «сверх чаяния» непредвиденно возникли из реформы: они оказались или в известной мере благотворными для русской жизни, или, напротив, зловредными искажениями, в том случае, например, когда стремление поднять производительность народного труда средствами европейской культуры превратилось по смерти преобразователя «в усиленную фискальную эксплуатацию и полицейское порабощение самого народа».

Пристально всматриваясь в ход реформы, Ключевский, как видно, сильно подчеркивает своеобразное влияние внешних обстоятельств на внутренние преобразования и ограничивает их значение, а также и роль самого преобразователя; но вместе с тем он признает, что сам Петр «проникся мыслью о народном благе, как никто из наших царей», и не отрицает того нового исторического момента, который его реформа отчасти обусловила: из забытого Европой арьергарда, оберегавшего тыл европейской цивилизации, Россия стала государством, впервые деятельно вступившим, как органический член, в семью европейских держав.

Итак, в своем построении последнего периода нашей истории Ключевский сливает время до и после реформы; но он все же придает ей особого рода значение и отмечает весьма важное влияние ее на последующее наше развитие. Долго остановившись на характеристике преобразований и их последствий, он не успел, однако, с той же индивидуализирующей точки зрения рассмотреть своеобразие дальнейшего хода русской истории; он довел изображение ее лишь до того времени, когда «дворцовое государство преемников Петра I получило вид сословно-дворянского», а «правовое народное государство было еще впереди и не близко».

Таким образом, в своем общем курсе Ключевский преимущественно придерживается собственно исторического понимания нашего прошлого, в значительной мере соподчиняя ему ту социологическую точку зрения, с которой он приступил к своим исследованиям по истории учреждений и социально-экономических отношений: для такого именно понимания он и пользуется социологическим методом изучения фактов русской истории. В самом деле, Ключевский изображает историческую личность русского народа в ее развитии, оттеняет зависимость хода нашей истории от «встречи» разного рода условий, от местных особенностей и от «внешних обстоятельств», даже как будто подчеркивает сравнительно большее с течением времени влияние последних и не упускает из виду исторических лиц, «по неизведанным еще причинам от времени до времени появляющихся в человечестве»; но вместе с тем он все же продолжает применять «социологический метод» к изучению причин и последствий этих фактов: он не столько описывает их, сколько исследует, каким образом они возникли и в особенности какое влияние они оказали на жизнь русского общества, на его «строение» и его «движение». С такой точки зрения наш историк изучает, например, и основание киевского княжества, и образование великорусского московского государства, и политическую, а также социальную борьбу, наступившую в Смутное время, и эпоху преобразований, в особенности военно-финансовую реформу, оказавшую «глубокое действие на склад общества и на дальнейший ход событий», и многие другие менее крупные явления нашей истории.

В задачи настоящей заметки не входит рассмотрение более частных, но не менее ценных наблюдений и выводов, которые Ключевский высказывает чуть ли не на каждой странице своих трудов, всегда освещенных творческой мыслью и богатым свежим фактическим содержанием; но и сказанного, может быть, достаточно для того, чтобы напомнить главнейшие принципы его

социологических и собственно исторических изысканий и дать почувствовать, что его научная деятельность составляет целую эпоху в нашей историографии.

Все шире и глубже охватывая русскую историческую действительность в ее целостности, Ключевский много сделал для научной ее конструкции и для последующей ее разработки: он высказал немало блестящих гипотез и построений, которые всего более будили нашу историческую мысль и двигают ее вперед даже в тех случаях, когда она подвергает критике его собственные предположения. Вместе с тем Ключевский умел «говорить» не только отвлеченными формулами, но и живыми образами; они подсказывают читателю многое, что он не мог бы воспринять из строго размеренной речи кабинетного ученого: они дают чувство прошлой жизни и заставляют переживать историческую действительность, а переживание ее облегчает деятельное, иногда даже новое понимание того, что было. Ключевский не довольствовался, однако, такими результатами: сам глубоко переживая и прошлые судьбы нашей родины, и социальные реформы шестидесятых годов, и тяжелую политическую борьбу последних лет, он думал, что история отечества должна иметь также прикладную цель для детей его; своими трудами он хотел содействовать тому, чтобы каждый из нас был «хоть немного историком» и мог «стать сознательно и добросовестно действующим гражданином». И едва ли можно сомневаться в том, что Ключевский в значительной мере достиг своей цели: читая его историю русской народности, каждый из нас чувствует, что он живет не только в ее прошлом, но и для ее будущего...

Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В. О. Ключевского

Всякому, кто сколько-нибудь следил за развитием русской историографии в течение последних тридцати лет, хорошо известны труды профессора В. О. Ключевского: его крупный исторический талант говорит сам за себя, а научные заслуги, так ярко проявившиеся в целом ряде специальных исследований, не нуждаются в подробной мотивировке. В нашей записке мы поэтому лишь в самых главных